

Писатель занимает особую позицию по отношению к своему произведению. Он всюду говорит о собственном ничтожестве, о своем неумении писать, впрочем, так же как и о бессилии человеческого слова вообще. Унижая себя, сводя на нет свою роль в написании жития, автор стремится тем самым подчеркнуть невыразимость всего того, что служит предметом его писаний и одновременно как можно больше возвысить святого.

Объявляя слово бессильным для воплощения добродетелей святого, писатель все же пытается передать свои чувства. Он действует как бы по наитию, подчиняясь какому-то внешнему внушению, «некая сила» заставляет его писать. По его представлению, «вечное» само прорывается сквозь «материальное», «земное». В результате параллельно самоуничтожению писателя необычайно возрастает значение всего того, что им написано. Отсюда и особое значение «пышности» стиля произведений, которая так же необходима для возвышенного сюжета, как необходим драгоценный оклад на особо чтимой иконе. Вот почему писатель всячески усложняет стиль, создает особые фразеологические сочетания, изобретает новые слова, нагромождает эпитеты, метафоры, сравнения, обращается к ритмике, пытается выражать свои мысли цитатами из священного писания и т. д.

В свое время эта своеобразная литературная теория сыграла прогрессивную роль. Она способствовала дальнейшему развитию, совершенствованию и обогащению литературного языка. Вместе с тем в литературе впервые с такой силой стала проявляться личность автора произведения и с такой определенностью выступили художественные задачи писателя.

Литературная теория конца XIV—начала XV в. получила наиболее законченное выражение у Епифания Премудрого. Его «теория слова» находится в тесной связи с вопросом о литературном герое произведения, с отношением писателя к собственному творчеству. Епифаний твердо знает свою основную задачу — прославить подвиг святого и делает это всеми доступными ему художественными средствами.

Пораженный величием подвига святого, писатель говорит о своем бессилии выразить его святость.³ И все же Епифаний Премудрый считает, что писать необходимо, так как пишущий «хотел бых написати мало нечто, ако от многа мало на воспоминание».⁴ В этих словах выражается представление Епифания Премудрого о назначении писателя, художника. Божественная мудрость неизреченна, можно лишь что-то очень «малое» познать и рассказать земными словами, но и крупицы божественной мудрости достаточно для того, чтобы передать читателю восторженное отношение к святому, преклонение перед его деянием.

В письме к Кириллу Белозерскому Епифаний Премудрый рассказывает о своей встрече с Феофаном Греком, которого он просил нарисовать собор святой Софии в Константинополе: «Он же мудр мудре и отвеща ми: не мощно есть, рече, того ни тебе улучити, ни мне написати; но обаче доуки твоя ради мало нечто аки от части вписую ти, и тоже не ако от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пищемага нами и прочая большая имати навъцати и разумети».⁵ Эта точка зрения, изложенная Епифанием от лица Феофана Грека, совпадает со взглядами самого Епифания. Он считает ее обязательной для каждого художника, творца.

³ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в., стр. 107.

⁴ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1897 (в дальнейшем: Житие Стефана Пермского), стр. 1.

⁵ Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Белозерскому. — Православный собеседник, 1863, ноябрь, стр. 327.